

ПОБЕДИВШИЙ СМЕРТЬ

• Mar. 16th, 2015 at 8:04 AM

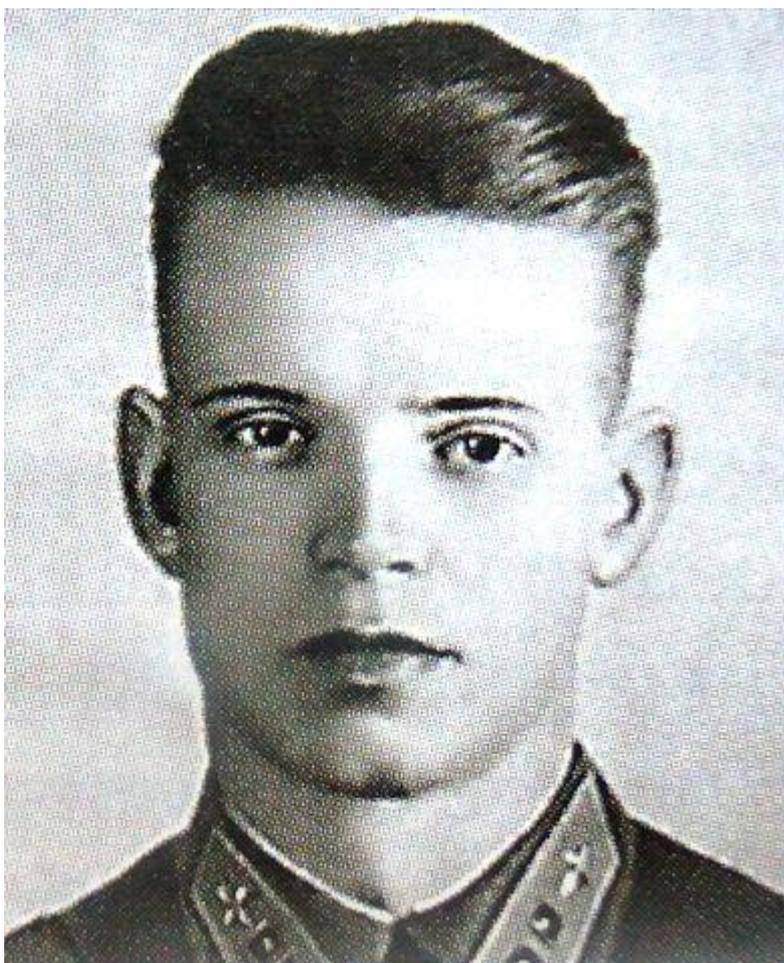

ЗАДАНИЕ

Самолёт, оставляя в ясном летнем небе огненный след, стремительно нёсся к мосту через Днепр, по которому, словно живая змея, двигалась колонна фашистской техники...

...Это случилось 24 августа 1941 года. Лейтенант Колыбин внимательно смотрел на исчерканную вдоль и поперёк разноцветными карандашами карту. Командир дивизии генерал- майор Шевченко провёл пальцем вдоль голубой извилистой линии:

- Это Днепр. А вот местечко Окуниново. По мосту через реку фашисты переправляют технику. Сапёрам и морякам Днепровской флотилии взорвать его не удалось. А надо - это приказ штаба Юго-Западного фронта...

Взлетели в 17.15. Высоту набирать не стали, пошли бредущим - так точнее можно было выйти на цель, да и от зениток врага укрыться.

«ИЛ» напарника Олейника летел рядом, буквально крыло к крылу с колыбинской машиной.

Сергей взглянул на карту. До цели оставалось километров пять - шесть. Знаками он показал Василию, чтобы тот несколько отстал и взял чуть повыше. А вот и Карпиловская Гута. Сверху её дома казались игрушечными кубиками. Потом показался плавный изгиб Днепра.

«Сейчас будет Окуниново,— подумал Колыбин.— Где-то здесь должен быть мост».

И тут же он увидел мост, ползущие по нему похожие на больших жуков тупорылые немецкие машины, танки, самоходки, мощные тягачи с длинноствольными пушками.

Махнув крылом ведомому: «Внимание!», Колыбин стал выводить самолёт на цель. И вдруг заговорили вражеские зенитки. «ИЛ» словно вздрогнул от сильного удара, яркая вспышка ослепила Колыбина. Кабина наполнилась едким дымом, запахом горелого масла, жжёной резины.

- Угодили в мотор, мгновенная догадка пронеслась в голове Сергея.

Он рванул назад фонарь кабины, перекрыл кран подачи горючего, чтобы самолёт не взорвался, и автоматически стал отстёгивать ремни сиденья - прыгать! «А задание... Оно должно быть выполнено...»

С трудом выровняв машину, Сергей направил её прямо в середину моста. Чуть не долетев до цели и сделав поправку на ветер, он нажал рычаг сброса бомб.

«Все, прыгать поздно, да и высоты нет,— успел подумать он. Теперь колонна...».

Объятая пламенем машина, словно смерч, пронеслась над головами обезумевших от ужаса фашистов и врезалась в колонну. Раздался страшный взрыв...

Уже на заходе солнца на полевой аэродром опустился весь изрешечённый «ИЛ-2» лейтенанта Олейника. Он, с трудом разлепив запёкшиеся губы, доложил:

- Задача выполнена. Мост взорван. Командир звена лейтенант Колыбин погиб, смертью героя, направив горящий самолёт в колонну техники.

ЖИЗНЬ - ЭТО БОРЬБА

Очнулся он от страшной боли, буквально разламывавшей все тело. Открыл глаза и увидел склонившихся над ним людей в матросской форме: «Свои!»

- Где я? - еле шевеля разбитыми губами, спросил Сергей.

- Молчи, браток, - ответил ему один из моряков. - В плену мы....

В плену! Эти слова, словно молнией, пронзили Колыбина. Он попытался вскочить, но, потеряв сознание, рухнул снова на землю.

...Случилось так, что в момент взрыва самолёта Сергея Колыбина выбросило из кабины на несколько десятков метров в густой кустарник. Здесь его и заметили пленные моряки Днепровско-Бугской флотилии. Воспользовавшись тем, что внимание фашистов было отвлечено пожаром и взрывами на шоссе, моряки подняли и укрыли в середине колонны искалеченного лётчика, только что на их глазах совершившего подвиг.

Так смерть обошла Колыбина во второй раз.

По концлагерю в Страхолесье слух о нем распространился быстро: лётчик разбомбил мост и на горящем самолёте врезался в колонну фашистских танков. Ему, несли, кто что мог - одежду, кусок хлеба, несколько ложек жидкой ба-ланды. А потом пленных погнали дальше. Моряки несли Колыбина, положив на где-то раздобытую небольшую деревянную лестницу...

Резкий толчок вывел Сергея из полудремоты. Эшелон стоял. С лязгом отодвинулись двери вагона, раздались лающие команды фашистов:

- Шнель! Шнель!

Пленные выходили из вагонов. А Сергей не мог даже самостоятельно двинуться - правые нога и рука не слушались. За стеной раздались автоматные очереди. Колыбин понял: не выйдет из вагона - охрана пристрелит. Превозмогая боль, он подполз к дверям, и здесь силы оставили его. И вдруг Колыбин увидел внизу, на рельсах, Петра Галагуру, однополчанина, старого друга, пропавшего без вести в первые дни войны. В полку его считали погибшим.

- Петро...- прошептал Сергей.

Тот обернулся и замер, с трудом узнавая в этом исхудалом и почерневшем человеке Колыбина. Взяв Сергея на руки, он бережно опустил его на землю, потом подозвал товарищей и вместе с ними отнёс в барак. Так Колыбин оказался в Брестском пересыльном лагере.

С каждым днём ему становилось все хуже и хуже. На ноге начиналась гангрена. Нужна была срочная операция. Однажды он увидел склонившихся над собой незнакомого мужчину в очках и Петра Галагуру.

- Кто это? - спросил Колыбин.

- Не волнуйся, Серёга, все будет хорошо, - ответил Пётр.- Это доктор.

Да, это действительно был врач Степан Михайлович Жиглинский. Оказавшись в страшных условиях плена, он и здесь остался верен своему долгу. Колыбину была сделана операция, раны промыты и перевязаны, сломанная нога за-гипсована...

Затем был новый лагерь в Ченстохове. Здесь ему выдали полосатую одежду и отняли имя. Не стало больше Сергея Колыбина, а был просто заключённый № 15714.

Однажды в лагере стали отбирать группу пленных для работы. Колыбину удалось скрыть свои недуги и в числе двухсот других заключённых его перевезли в небольшой городок Регенсбург, что в Южной Баварии. Здесь, в окрестностях, находился один из заводов Мессершмитта. Но попасть туда Сергею сразу не удалось. Увидев его, немец-инженер заорал:

- Почему с палкой? В арбайтлагерь!

Колыбина направили в команду, обслуживавшую лагерь. Он разносил в больших железных баках баланду, которой никогда не хватало на всех. Как-то вечером к нему заглянул молодой парень. Посмотрел на него, а потом вдруг выпалил:

- Слушай, земляк, я к тебе по делу. За консультацией.

- Это ещё за какой - такой консультацией?

- Да мы же знаем, что ты лётчик. Вот и подскажи, как фрицам моторы из строя выводить?

В тот раз Сергей отмолчался, побоялся, что это провокация. Но постепенно он убедился, что Гриша Булгаков действительно член подпольной организации лагеря. И тогда Колыбин подсказал, как надо действовать.

- Ты знаешь, где на моторе свеча?

- Ну, знаю,— недоуменно ответил Григорий.

- Так вот, отверни её, а в отверстие опусти какую-нибудь железку. Ну, скажем, болтик небольшой или гайку. А потом свечу на место заверни. Такой мотор долго не протянет.

Подпольный партийный комитет устроил перевод Сергея разносчиком обеда в цехи. Задача была одна: узнать лучше устройство нового самолёта.

Гремя бидонами и мисками, он бродил по громадным цехам завода, внимательно присматриваясь к новеньким «мессершмиттам». Старался запомнить расположение приборов управления самолётом, порядок их включения. Созрела дерзкая мысль - бежать из лагеря на самолёте.

Подпольная организация решила совершить побег в канун 26-й годовщины Красной Армии. Лететь могли трое - Дмитрий Увдовенко, Леонид Горбатенко и Сергей Колыбин. Лётчики наметили маршрут по-

лета - Регенсбург - район Львова и ждали, ждали подходящего момента. Кому-то из троих должно было повезти.

Как-то, приехав утром на работу, Увдовенко заметил готовый «МЕ-109». Он должен был вот-вот улететь на испытательный аэродром, но лётчиков ещё не было. Другого такого шанса могло и не представиться. Увдовенко показал глазами на самолёт стоявшему рядом Василию Ярышеву. Тот мгновенно все понял и кивнул головой в знак согласия. Ещё секунда –

и они в кабине самолёта. Взлетели со второй попытки, но самолёт вдруг резко «клюнул» вниз, задел крылом землю и упал.

Со всех сторон к машине мчались ничего не понимающие фашисты. Открыв кабину, они увидели двух окровавленных людей в полосатой форме. Четыре дня их пытали, но ни одного слова вырвать не смогли. А потом расстреляли.

В лагере начались поиски лётчиков, организаторов побега. Однажды всех пленных построили на апельплаце.

- Номер 15714!

Колыбин вздрогнул: это был его номер. Сделал шаг вперёд и тут же от удара дубинкой свалился на землю. Его схватили и потащили в комендатуру. Снова били и пытали. Один из гитлеровцев, наступив кованым сапогом на раненую ногу, кричал:

- Мы знаем, что ты лётчик. Кто готовил побег? Ты?

Боль была страшной, но на все вопросы он, сжав зубы, отвечал: «Нет!», «Не знаю!» Его бросили в карцер.

КОНЦЛАГЕРЬ ФЛОССЕНБУРГ

Не добившись от Колыбина признания, фашисты перевели его в концентрационный лагерь Флоссенбург. Пленные называли этот лагерь комбинатом смерти.

Здесь Сергея упрятали в бетонный влажный карцер. На какие сутки он потерял сознание, Сергей не помнит. Очнулся от холода на штабеле трупов во дворе. Очевидно, его приняли за мертвеца и выбросили из карцера. Было темно. Колыбин скатился со штабеля на припорошённую снегом землю и пополз в сторону бараков.

Сил хватило только на то, чтобы поцарапать в дверь. Она открылась, пахло тёплым воздухом, и Сергей потерял сознание. Смерть снова, в который уже раз, обошла стороной Колыбина. Его подобрала бригада врачей из лагерного ревира чехи Богдан Шмагель и Новак. Переодев в другую одежду, с другим лагерным номером, они поместили его в лазарет.

...Сергей медленно поправлялся. Здоровья и сил прибавляло ещё и то обстоятельство, что с каждым днём с востока все явственнее слышались далёкие раскаты артиллерийской канонады. А значит, рядом была и свобода.

Но однажды лагерь вдруг подняли по тревоге. Построили заключённых, вывели за ворота, погнали по дороге к старым заброшенным каменоломням. Сергей на костылях шёл в самом конце колонны. Пот заливал глаза, каждый шаг давался с трудом, особенно когда пошли по железнодорожному полотну. Здесь он окончательно выбился из сил и опустился на землю.

- Абшис! - скомандовал один из конвоиров, тот, кто, видимо, был старшим. Приказ этот никому из пленных переводить не требовалось: «Пристрели!»

Конвоир подхватил Колыбина с земли и отвёл его за густые кусты, разросшиеся по обе стороны дороги. Затем вскинул винтовку. Раздался выстрел...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И снова вагон поезда. Только на этот раз он мчится на восток, а колеса его радостно выстукивают на стыках рельсов одно слово: «Домой! Домой!». На дворе зима, в тамбуре вагона было холодно, но Сергей не замечал этого. Он курил одну самокрутку за другой и вспоминал...

Тогда, в апреле 45-го, конвоир-чех выстрелил в воздух. А потом махнул рукой в сторону канонады: иди, мол, туда. Добравшись до какого-то заброшенного пристанционного сарая, Сергей двое суток прятался в нем. А потом пришли свои...

В Москве Колыбин несколько дней ждал, пока придёт ответ на его запрос о месте жительства жены и дочки. Наконец адрес получен, и, хотя Сергея должны были положить в госпиталь, он выехал в Горький. Всю дорогу его била нервная дрожь. Неужели не дождалась?

Поздним зимним вечером он долго плутал на костылях по прихваченным морозом тротуарам города, пока не добрел до маленького, почти по крышу вросшего в землю домика. Задыхаясь от волнения, долго не мог поднять руку, чтобы постучать. Наконец справился с собой. Казалось, целую вечность никто не отвечал на стук. Наконец за дверью раздался такой знакомый, такой родной голос:

- Кто там?

- Зина, открой! Это я, Сергей!

- Какой ещё Сергей? - спросила Зина, а у самой сердце оборвалось. Сколько она писала во все инстанции, и отовсюду один ответ: «Погиб, выполняя задание». Не хотела она этому верить, не хотела, но ведь Вася Олейник своими глазами видел, как горящий самолёт врезался в колонну фашистов.

- Какой ещё Сергей? — повторила вопрос Зина.

- Колыбин. Твой муж.

- У меня нет мужа. Он погиб...

Колыбин похолодел. Ноги у него подогнулись, и он даже не сел, а буквально рухнул на обледенелое крыльцо.

«Вот и все»,- подумал в отчаянии Сергей.

И, тут за его спиной раздался скрип двери, он обернулся и в узкой полоске света увидел Зину. Белая, как мел, она не могла произнести ни слова и только тянула к Сергею дрожащие руки:

- Серёжа!..

В этой истории все имена, фамилии, события подлинны. Полтора года пролежал лётчик Сергей Колыбин в госпитале. Зажили его раны. Но с авиацией пришлось расстаться навсегда. И тогда Сергей Иванович стал строителем. Сначала мастером, потом прорабом, инженером отдела капитального строительства «Мосхлебторга».

Подвиг Колыбина высоко оценён: он удостоен высшей награды Родины - ордена Ленина.

*Подготовка к публикации - проект "Неизвестная война"
архив Мирослава Хопёрского.*